

К вопросу истории взаимоотношений Льва Карсавина и Георгия Флоровского

Л.-Б. Киейзик

Для цитирования: Киейзик Л.-Б. К вопросу истории взаимоотношений Льва Карсавина и Георгия Флоровского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 950–961. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.315>

В статье рассматриваются отношения между двумя выдающимися представителями Серебряного века: историком-медиевистом, философом и идеологом евразийства Львом Карсавиным и историком, богословом, экуменическим деятелем и философом о. Георгием Флоровским. Эта тема раскрывается на фоне проблем русской послереволюционной эмиграции в Болгарии и Чехословакии. Семья Василия Антоновича Флоровского, выпускника Московской духовной академии, кандидата богословия и протоиерея, покинула Россию в 1920 г. Представители семьи оказались как в Софии, так и в Праге. Это были разные люди: если Георгий Флоровский был типичный эмигрант, не помышлявший вернуться в Россию, то его сестра Клавдия мечтала о возвращении. Оказавшийся в Западной Европе в 1920-х гг. Карсавин в 1927 г. покинул Францию, получив приглашение занять кафедру всеобщей истории в Каунасе, где и начал работать. Статья написана на основании неопубликованной переписки Георгия Флоровского с братом Антонием Флоровским — историком, профессором Карлова университета, а также с привлечением материала писем 1920-х гг. их сестры Клавдии Флоровской к Георгию Флоровскому. Письма хранятся в архиве Антония Флоровского, в Национальной библиотеке Чешской Республики в Праге. Анализируются три возможные причины сложных, граничащих с негативизмом отношений между Георгием Флоровским и Львом Карсавиным: соперничество по работе, ведь они оба старались получить место преподавателя патрологии в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже; различное восприятие творчества Вл. Соловьева и его влияния на развитие русского религиозного ренессанса; критическое отношение Карсавина к научной деятельности сестры Флоровского Клавдии Флоровской — историка, приват-доцента Новороссийского университета, которую Карсавин консультировал по вопросам истории средневековой Италии в 1909 г. во время ее заграничной стажировки. В статье также характеризуются некоторые другие противоречия в творчестве двух мыслителей и делается вывод о субъективном, личном характере отношения Флоровского к творчеству Карсавина.

Ключевые слова: Лев Карсавин, Георгий Флоровский, Клавдия Флоровская, Антоний Флоровский, русский религиозный ренессанс, послереволюционная эмиграция, русская Прага.

Лилианна-Божена Киейзик — д-р филос. наук, ординарный проф., Зеленогурский университет, Польша, 65-001, Зелёна-Гура, аллея Войска Польского, 71А; L.Kiejzik@ifil.uz.zgora.pl

Lilianna-Bożena Kiejzik — Dr. hab. (Philosophy), Full Professor, University of Zielona Góra, 71A, ul. Wojska Polskiego, Zielona Góra, 65-001, Poland; L.Kiejzik@ifil.uz.zgora.pl

Статья подготовлена при поддержке гранта «Второй план: женщины в русской философии», присужденного Национальным центром науки в Польше согласно договору UMO-2017/25/B/HS1/00530.

This publication was made possible through the support of a grant “Invisible: woman in Russian philosophy” from The National Science Centre of Poland (UMO 2017/25/B/HS1/00530).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

A Contribution to the History of Relationship between Lev Karsavin and Georges Florovsky

L.-B. Kiejzik

For citation: Kiejzik L.-B. A Contribution to the History of Relationship between Lev Karsavin and Georges Florovsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 3, pp. 950–961. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.315> (In Russian)

The article examines the relatively little-known relationship between two historians, philosophers, intellectuals and prominent representatives of the Silver age in the development of Russian spiritual culture: a medievalist Lev Karsavin and a historian and theologian Fr. Georges Florovsky. The material is based on unpublished correspondence between Georges Florovsky and his brother, Anthony Florovsky — a historian, Professor at Charles University in Prague, as well as on the basis of letters from the 1920s from Klaudia Florovskaia (sister of Georges and Anthony) to Georges Florovsky. The letters are kept in the archive of Anthony Vasilievich Florovsky, in the National Library of the Czech Republic in Prague (Slovanská knihovna). The correspondence shows the problems of Russian post-revolutionary emigration to Sofia (Bulgaria) and to Prague (Czechoslovakia). Three possible reasons for difficult, almost negative relationship between Georges Florovsky and Karsavin are analysed: rivalry in work as they both tried to obtain the position of patrology teacher at St. Sergius Theological Institute in Paris; their different opinions on the work of Vl. Solovev and his influence on the Russian thought, primarily on the development of the Russian religious renaissance; Karsavin's critical opinion on research abilities of Florovsky's sister — Klaudia Vasilievna, a historian, the first woman private docent of University in Novorossiysk, to whom Karsavin provided assistance with regard to issues of medieval Italy during her overseas internship in 1909. The article also characterizes some other contradictions in the work of two thinkers, and draws a conclusion about the subjective, personal nature of Florovsky's attitude to the work of Karsavin.

Keywords: Lev Karsavin, Georges Florovsky, Klaudia Florovskaia, Anthony Florovsky, Russian religious renaissance, post-revolutionary emigration, *Russian Prague*.

Отношения между Львом Карсавиным (1882–1952), историком-медиевистом, философом и идеологом евразийства, и Георгием Флоровским (1893–1979), историком, богословом, экуменическим деятелем и философом, были сложными, даже враждебными, хотя они не знали друг друга достаточно хорошо. При этом ни в источниках, ни в доступных нам исследованиях мы не нашли отрицательных высказываний Карсавина по поводу трудов Флоровского. Он не рецензировал его работ и фактически мало интересовался его творчеством, — возможно, потому, что Карсавин не участвовал в жизни той части русской эмиграции, которая оказалась в 1920-х гг. в Париже, не следил специально за публикациями ее представителей, не хотел их оценивать. Покинул он Францию в 1927 г., когда откликнулся на приглашение занять кафедру всеобщей истории в Каунасе. В то же время высказываний Флоровского о Карсавине и его творчестве довольно много. Они содержатся в его работах (например, в эссе «Русская философия в эмиграции» 1930 г., где отражено творчество более десяти персон — представителей русского религиозного ренессанса, но критике подвергнута только система Карсавина), а также в эпистолярном наследии семьи Флоровских: в письмах к сестре Клавдии Васильевне (1883–1965) и брату Антонию Васильевичу (1884–1968).

Одной из причин отрицательного отношения Георгия Флоровского к Карсавину могло быть то, что они были соперниками по работе, оба старались получить место преподавателя патрологии в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже. В 1926 г. Карсавин — до эмиграции выпускник и преподаватель Петербургского университета — уже обладал степенью доктора наук, был известным историком, исследователем религиозных течений и духовной культуры Средневековья, автором работ, основанных на обширном материале исторических источников, имел опыт организационной деятельности. Вышедший из стен Новороссийского университета (Одесса) Флоровский в то время был малоизвестным сотрудником Карлова университета, защитившим магистерскую диссертацию на тему исторической философии Герцена (1923 г.). Но за Флоровским стоял С. Н. Булгаков — декан Свято-Сергиевского Богословского института. И хотя за кандидатуру Карсавина высказался не менее уважаемый С. Л. Франк, место в институте получил Флоровский¹.

Еще одна причина неприязни могла проистекать из того, что Карсавин продолжал разрабатывать идею и философию всеединства Вл. Соловьева. Ведь с метафизикой всеединства связана была вся его биография и вообще жизнь, как он сам писал в 1922 г. в первой синтетической работе, посвященной этой проблематике: «*Noctes Petropolitanae*». В свою очередь, Флоровский критиковал Вл. Соловьева, более того, был убежден, что его влияние на русскую философию и богословие оказалось в прямом смысле слова губительным. По этому поводу он конфликтовал с С. Н. Булгаковым, который ценил Соловьева за его попытки создать православную концепцию Софии. Флоровский же, напротив, иронически именовал софиологию софианством, выступая против такой концепции, критикуя одновременно новое религиозное сознание².

¹ К слову сказать, возможно, что Флоровский чувствовал себя в определенной мере виноватым перед Франком, которого все ценили. Спустя много лет, в 1954 г., он принял участие в подготовке сборника памяти Франка и написал статью для него. Сборник готовила к печати вдова Татьяна Франк, редактировал о. Василий Зеньковский (см.: *Флоровский Г., прот. Религиозная метафизика С. Л. Франка // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / под ред. прот. В. Зеньковского. Мюнхен, 1954. С. 145–156*). В письме от 23 мая 1959 г. он пишет брату Антонию: «Кстати, дошел ли до вас изданный еще в 55 году (ошибка Флоровского, сборник вышел в 1954 г. — *Авт.*) сборник в память С. Л. Франка, под ред. Зеньковского, в котором была и моя статья, довольно критическая. Почти все рецензенты, однако, нашли ее самой значительной во всем сборнике. Степун нашел, что она написана «изящно»» (см.: *Флоровский Г. В. Письмо А. В. Флоровскому от 23 мая 1959 // Slovanská knihovna. Praha. T-FLOR, Krab. XVIII. č. inv. 4-4. Письмо 155*). Необходимо заметить, что после прочтения эта статья не оставляет впечатления критической. Флоровский весьма бегло обсуждает систему Франка, задает вопросы общего характера, но ни в чем Франка не упрекает! Несколько лет спустя, в письме к брату Антонию от 31 октября 1966 г., он вернулся к данной теме и пояснил, как понимает научную критику: «Должен выйти на днях английский перевод одной из последних книг Франка — для американского издания я написал предисловие, использовал для него мою прежнюю статью в русском сборнике в память Франка. Издатель предисловием моим остался доволен. И статья, и предисловие написаны «критически», но о философах так и подобает писать. Ибо «критика» есть не столько «суждение» — в смысле «приговора», сколько «рас-суждение», начиная еще со времен Сократа, сына Софрониска» (*Флоровский Г. В. Письмо А. В. Флоровскому от 31 октября 1966 // Slovanská knihovna. Praha. T-FLOR, Krab. XVIII. č. inv. 4-4. Письмо 310*). Кажется, что до преклонных лет своих Г. В. Флоровский стеснялся того, что в молодые годы, не имея серьезного научного опыта, выиграл в споре с опытным историком и философом.

² См.: *Климов А. Е. Г. В. Флоровский и С. Н. Булгаков. История взаимоотношений в свете споров о софиологии // С. Н. Булгаков. Религиозно-философский путь. Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения, 5–7 марта 2001 г. М., 2003. С. 86–90.*

Но, может быть, существовала еще третья причина, сугубо личная? Может быть, Флоровский знал мнение Карсавина о научных способностях его сестры Клавдии Васильевны (Дуси) и это мнение ему не нравилось? Чтобы разъяснить возможную причину их неприязни, нам необходимо сделать некоторые пояснения относительно личных судеб семьи Флоровских.

Семья Василия Антоновича Флоровского (1858–1928) — выпускника Московской духовной академии, кандидата богословия и протоиерея, служившего в Одессе, покинула Россию в 1920 г. (когда стало понятно, что большевистская власть крепнет) и переехала в Болгарию, где у них были знакомые³. Они остановились в Софии, где Василий Антонович начал служить настоятелем русской церкви. Его супруга, Клавдия Георгиевна Попруженко (1863–1933), занималась домом и детьми. С ними оказались за границей их двое детей: Клавдия и Георгий. Младшей Клавдии пришлось оставить место приват-доцента (которое она занимала с 1919 г.) Новороссийского Императорского университета. Ее брат, тоже избравший научную карьеру, после окончания учебы начал готовить диссертацию по творчеству А. И. Герцена. В Одессе остались два их брата: самый старший, Василий Васильевич (1881–1924), врач, и младший, Антоний Васильевич, историк-славист и историограф, преподаватель и член сената Новороссийского университета⁴.

Два года спустя, в 1922 г., Антоний тоже попал в Болгарию, потеряв место в Одессе, но, не найдя работы в Софии, сразу переехал в Прагу⁵, где с 1921 г. жил

³ Русская эмиграция началась не с изгнания из России советской властью тех, кто ей не сочувствовал, прежде всего представителей интеллигенции, после окончания Гражданской войны, а гораздо раньше, сразу после октября 1917 г. Первые беженцы из России — это большая группа солдат из Западной Украины, которые в 1919 г. были интернированы в Чехословакии, а потом постепенно репатриированы. Другую группу составили беженцы из Европейской части России (например, Прибалтики), а потом еще беженцы из Сибири и Дальнего Востока. Третья группа появилась в 1921 г. после поражения белой армии на юге России. И только последними стали прибывать в Чехословакию интеллигенты, в том числе профессора университетов с семьями (см.: *Сладек З., Белошевская Л., Цамуталиова И., Гашкова Д., Копецкая Л., Копрживова А., Луптакова М., Моравкова А., Тейхманова С., Ванечкова Г., Зилинский Б., Магид С.* Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С. 19). В книге опубликованы документы, датированные начиная с 12 марта 1919 г. (Прага, Обращение ЧПО в газете “*Narodni listy*”, призывающее изучать Россию и поддерживать с ней дружеские контакты) по 13 апреля 1940 г. (Брно, Извещение официальных органов Протектората Чехии и Моравии И. Белорусс-Белошевскому об отказе в предоставлении гражданства в связи с новым постановлением).

⁴ Больше о семье Флоровских см.: *Гальчева Т. Н., Голубович И. В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015. С. 34–46; *Кийзик Л.* Судьбы русской эмиграции в письмах Клавдии Флоровской (Дуси) к братьям — Георгию и Антонию Флоровским // «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским / под ред. Л. Кийзик, Н. Орловой. Зелёна-Гура, 2019. С. 11–20.

⁵ Как раз по этому поводу Клавдия Васильевна писала Георгию Флоровскому в письме от 30 сентября 1922 г.: «Мы написали ему, чтобы они приезжали сюда, так как мы думаем, что опасности ни для нас, ни для них здесь в ближайшем будущем ожидать нельзя, а за дальнейшее вообще никогда ручаться нельзя. Они, вероятно, на днях приедут, хотя Валя пишет в последнем письме, что они ждут денег из Одессы. Молотковны должны продать их вещи и выслать им деньги в Константинополь или сюда. <...> Где они их будут дожидаться, не знаю. Они вывезли из Одессы папину шубу и мои рубахи, о которых мама очень грустила. Об остальных вещах расскажут по приезду, вероятно, пропали. Они очень жаждут устроиться где-нибудь в Европе». И далее, в том же письме: «Если бы можно было им устроиться в Праге, было бы в самом деле очень хорошо. Здесь нечего и думать, особенно в настоящий момент» (см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь

Георгий. Они надеялись получить хорошие места с помощью как раз в то время объявленной «Русской акции»⁶ президента Т.Г. Масарика, касавшейся прежде всего научной и творческой интеллигенции. Масарик лично заботился о приезде в Чехословакию научных сотрудников и культурных деятелей из России. Акция была уникальной по своим масштабам. Между Клавдией Васильевной, оставшейся в Софии, и братьями началась переписка, которая длилась до времени ее кончины в 1965 г. Несколько сотен этих писем находятся в пражском архиве Славянской библиотеки.

Одновременно в Чехословакии возникали общественные организации, которые заботились об эмигрантах. Главную роль играл Земгор⁷, заботившийся об образовании и трудоустройстве эмигрантов. Появились и другие организации, их панорама, действительно, разнообразна. Среди них были научные учреждения и общества: Русская академическая группа, Русский заграничный исторический архив, Русское историческое общество, Философское общество в Праге (действовавшее в 1924–1928 гг. как отделение Общества русской философии в Берлине, возникшего в 1922 г.)⁸; учебные заведения: Русский юридический факультет (1922–1933 гг.)⁹, Русский педагогический институт им. Яна Амоса Коменского (1923–1926 гг.), Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге (1924–1929 гг.), Русский народный университет в Праге (РНУ, 1923–1934 гг.), который в 1934 г. был переименован в Русский свободный университет (РСУ, 1934–1946 гг.); культурные организации и кружки; студенческие организации (Русское студенческое религиозное движение); издающие организации (издательство «Пламя» и «Славянское издательство», журналы «Русская школа за рубежом» и «Воля России»); экономические организации (Профессорский дом, Русский студенческий кооператив); и др.¹⁰ Каждый желающий мог найти место для своей реализации.

Как сообщает известный деятель русской эмиграции Николай Зернов (1898–1980), одной из особенностей первой русской эмиграции было повсеместное воз-

цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским / под ред. Л. Киейзик, Н. Орловой. Зелёна-Гура, 2019. С. 77).

⁶ Целью «Русской акции» было предоставление беженцам возможности работы и образования, а также включения русских крестьян в систему чехословацкого сельского хозяйства. Очень быстро информация об этой акции распространилась среди русских беженцев в других странах и число эмигрантов в Чехословакии начало расти. В 1922 г. они составляли 6 тыс. чел., в 1925 г. — уже около 25 тыс. См.: *Бабка Л., Золотарев И.* Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. Прага, 2012; Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. По материалам международной научной конференции. М., 2005.

⁷ Земгор — Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов (1915–1918), организация, созданная в Российской империи на базе земств и городских дум. В эмиграции Земгор стал посредником в распределении помощи русским беженцам.

⁸ В правление общества в 1925 г. входили Н. О. Лосский, С. И. Гессен, Д. И. Чижевский, в 1926 г. — Г. В. Флоровский, И. И. Лапшин, Д. И. Чижевский, в 1927 г. — С. И. Гессен, И. И. Лапшин, Д. И. Чижевский. Его задачей было научное общение ученых разных специальностей, работающих над философскими вопросами. Общество стремилось к популяризации философских знаний, деятельность его была направлена на организацию философских докладов и публичных лекций; собрания Общества в большинстве были открытые.

⁹ В состав факультета входили профессора (например, протоиереи С. Н. Булгаков, Г. В. Вернадский, А. А. Вилков, П. И. Георгиевский, Д. Д. Гримм, С. К. Гогель, С. В. Завадский, А. А. Кизеветер, П. Б. Струве, П. И. Новгородцев), доценты и приват-доценты (среди них П. Н. Савицкий и Г. В. Флоровский).

¹⁰ Подробнее см.: *Русские в Праге 1918–1928* / под ред. С. П. Постникова. Прага, 1928.

никновение православных приходов¹¹. Строилась русская церковная жизнь за рубежом. Она еще обогатилась, когда советские власти выслали за границу в 1922–1923 гг. видных религиозных мыслителей: Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Н. О. Лосского, Б. Вышеславцева, С. Н. Булгакова и пр. Они не только стояли на высоте европейской науки, как пишет Зернов, но и «сознавали необходимость противопоставить марксизму продуманное христианское мировоззрение»¹². Русские философы начали делиться с западным миром своим духовным опытом и одновременно вовлекать в круг своих интересов молодых соотечественников. Георгий и Антоний Флоровские оказались в их ряду.

Русская Прага, куда попали в начале 1920-х гг. братья Флоровские, имела свою специфику. Часть эмигрантов погрузилась в чисто политическую деятельность, среди них были и серьезные ученые. «К числу таких деятелей принадлежал П. Б. Струве, который приложил немало усилий, чтобы поначалу собрать в Праге крупных русских ученых, но сам в 1925 году покинул ее навсегда», — пишет И. Савицкий¹³. Другую группу составляли люди, не желавшие поступиться карьерой в международном сообществе ученых. Они тоже разделились на две группы. В первую входили те, которые стремились оторваться от эмиграции и русских тем. Их было немного, например социолог и правовед Г. Д. Гурвич (1894–1965). Вторая группа «опиралась на свой “русский” опыт и стремилась одновременно вовлечь в работу других русских эмигрантов»¹⁴. Наиболее видный из них – социолог и культуролог П. А. Сорокин (1889–1968). Другой тип этой группы представлял Георгий Флоровский, который, покидая Россию в 1920 г. (ему было 27 лет), был убежден, что уже никогда туда не вернется и сознательно стремился построить свою жизнь за границей. В это время его имя было еще неизвестно и место приват-доцента Русского юридического факультета в Праге, которое он получил в 1922 г., рассматривалось как трамплин для дальнейшего движения вперед¹⁵. Скоро Прага стала ему тесна и при поддержке С. Н. Булгакова Георгий перебрался в Париж, в Свято-Сергиевский Богословский институт, а потом в Англию и США. Он никогда не думал о том, чтобы вернуться в Россию, и эмиграция стала его осознанным выбором.

Совершенно другим человеком была его сестра — Клавдия Васильевна. Она мечтала вернуться в Россию и свою вынужденную эмиграцию считала временной. Клавдия окончила Санкт-Петербургские высшие женские курсы (Бестужевские) в 1908–1909 гг. по историко-филологическому отделению (группа всеобщей истории), принадлежала к научной школе профессора И. М. Гревса (1860–1941), семинар которого по Данте она посещала вместе со Львом Карсавиным и другим религиозным мыслителем — Георгием Федотовым (1886–1951). Прошла научную стажировку во Франции и Италии по истории средневековой Европы. В 1909 г. в Париже работала под руководством Льва Карсавина, занимаясь ранним францисканством.

¹¹ Зернов Н. Русские писатели эмиграции: биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре 1921–1971. Boston, 1973. С. IX–X.

¹² Там же. С. X.

¹³ Савицкий И. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1919–1939) (Менее известные аспекты темы). Прага, 1999. С. 86.

¹⁴ Там же. С. 87.

¹⁵ Там же. С. 88.

В письме от 8 июня 1909 г. Карсавин писал своему коллеге и учителю И. М. Гревсу о ней следующее: «...Кл[авдия] Вас[ильевна] напоминает мне ежа или мимозу, а вернее и то и другое вместе. Вероятно, очень уж она самолюбива и слишком взлелеяна семьей...»¹⁶ Два года спустя в письме от 28 сентября 1911 г. из Портофино он сообщал И. М. Гревсу о методологии ее научной работы: «Вы угадали. Оттокар¹⁷ изругал статью Dydy на чем свет стоит. Очень строго, но, в общем, справедливо. Даже жалко Dydy; тем более что она стала его расспрашивать, и он сказал ей свое мнение очень откровенно. Боюсь, что она в отчаянии. Вы помните, м. б., что мы о ней с Вами говорили. Я тогда высказывал неудовольствие на недостаток (отсутствие в ней оригинальной ученой). <...> И правда, Dydy не может быть самостоятельным ученым работником»¹⁸.

Любопытно, знала ли Клавдия Васильевна о данной ей характеристике и прозвище, а если знала, то как к этому относилась. Видно, не все было так плохо, как писал Карсавин, ибо ее статья была включена в сборник «К 25-летию учебно-педагогической деятельности И. М. Гревса» (1911 г.), который готовили в честь своего учителя его ученики. Она подготовила очерк «Св. Франциск в “Древе крестной жизни”». Его поместили в сборнике на втором месте, за статьей Л. П. Карсавина, но перед статьей Г. П. Федотова¹⁹.

Из писем Клавдии Флоровской к брату Георгию Флоровскому 1920-х гг. следует, что она уважала Л. П. Карсавина и несколько раз просила брата передать ему приветы. Когда, уже живя в Праге, в конце 1922 г. Г. В. Флоровский собирался в Берлин в связи с обсуждением очередных евразийских сборников, которые готовились к выпуску, она передавала ему: «Интересно, какое впечатление произведет на тебя Карсавин, с которым ты, наверное, увидишься»²⁰, и в этом же письме немного дальше: «Поклон всем, между прочим Карсавину, если он меня помнит. Всех благ»²¹. А в письме от 11 августа 1923 г. она спрашивала: «Виделся ли ты с Карсавиным? Как вы с ним понравились друг другу? Что его семейство? У него была всегда несчастная склонность балаганничать, — сначала это было забавно, потом оригинально, а потом приобрело характер дурного тона, но уже вошло в привычку. А жаль, п[отому] ч[то] он и чуток, и умен, и остроумен, и вообще хороший человек»²². Ка-

¹⁶ Российская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л. П. Карсавина: письма к И. М. Гревсу (1906–1916) / под ред. А. Л. Ястребицкой. М., 1994. С. 53. — На эти письма обратил мое внимание Мартин Байсвенгер, за что я ему искренне благодарна.

¹⁷ Оттокар Николай Петрович (1884–1957) — русский и итальянский историк-медиевист. Проректор (1917 г.), декан историко-филологического факультета, ректор (1918–1919) Пермского университета, ученик И. М. Гревса.

¹⁸ Российская историческая мысль. Из эпистолярного наследия... С. 81.

¹⁹ См.: Флоровская К. В. Св. Франциск в «Древе крестной жизни» // К двадцатипятилетию учебно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса. Сборник статей его учеников. СПб., 1911. С. 63–106.

²⁰ Флоровская К. В. Письмо Г. В. Флоровскому от 5 декабря 1922 года // Slovanská knihovna. Praha. T-FLOR. Krab XVI, č. inv. 3. Письмо 55. — Письмо опубликовано, см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. С. 101.

²¹ Там же. С. 103.

²² Флоровская К. В. Письмо Г. В. Флоровскому от 11 августа 1923 года // Slovanská knihovna. Praha. T-FLOR. Krab XVI, č. inv. 3. Письмо 81. — Письмо опубликовано, см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. С. 159.

жется, Клавдия Васильевна лучше своего брата знала, каким человеком был Карсавин. Кстати, не только она.

Ее письма являются подтверждением мнения Аарона Захаровича Штейнберга (1891–1975) — философа и публициста, специалиста по творчеству Ф. М. Достоевского, — который с Карсавиным имел довольно крепкие контакты и хорошо его знал. Именно он и еще историк Церкви Антон Карташев (1875–1960) являются двумя учеными, тексты которых дают нам скудную информацию о Карсавине в годы его работы в Петроградском университете²³. В коротком тексте дневникового характера Штейнберг писал о Карсавине, что тот всегда говорил правду в глаза и поэтому его не любят²⁴. Собственные суждения Штейнберга тоже бывали нелюбимыми. В другом месте своего текста он ссылается на циркулирующее в так называемой «среде» общее «мнение», придуманное Ольгой Дмитриевной Форш, суть которого в том, что Карсавин — это обезьяна Вл. Соловьева, ибо подражает даже его поведению: те же самые жесты, та же самая манера²⁵. Впрочем, сам Штейнберг подчеркивает его огромные знания: Карсавин был крупным специалистом по вопросам греческой литературы, отцов Церкви, философии досократских времен и, конечно же, философии Платона, Аристотеля и т. д.²⁶ Более того, Штейнберг считал, что Карсавина недооценивали, что в отличие от Бердяева или Булгакова, он не был связан с политикой, не интересовался вопросами революции 1905 г., что он был действительно академическим ученым, знатоком патристики. Кстати, последнее могло вызывать некоторое опасение со стороны Георгия Флоровского, который с подачи Булгакова заинтересовался вопросами патристики только в 1920-х гг.

Клавдия, по просьбе Георгия, покупала в Софии и посылала ему в Прагу книги Карсавина. В письме от 3 апреля 1923 г. она пишет брату: «...я купила еще и послала тебе Лосского “Логику” и Шестова “Potestas clavium”, думая, что это может тебе быть интересно, а сегодня в издательстве получили, и я сейчас уже купила и посылаю тебе Карсавина “Джордано Бруно”. Диалоги его, кажется, у тебя есть, а также и книга Арсеньева? <...> Лосский стоит мне 65 лева, Шестов 70 лева, Карсавин, по-видимому, столько же, я еще за него не платила»²⁷. К слову сказать, Клавдия не только покупала Георгию и Антонию книги и посылала их в Прагу, по заказу Георгия она брала книги в Софийской университетской библиотеке и конспектировала

²³ В последние годы очень много для изучения философии и жизни Карсавина сделал С. С. Хоружий. См.: Хоружий С. С.: 1) Жизнь и учение Льва Карсавина // Лев Платонович Карсавин. М., 2012. С. 47–80; 2) Лагерный цикл как философское завещание Л. П. Карсавина // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2018. № 2. С. 29–40. — О литовском периоде жизни Л. П. Карсавина очень интересный материал представил В. И. Шаронов. См.: Шаронов В. И. «Не герой, а самый обыкновенный человек...» (Литовский период жизни Л. П. Карсавина) // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 1. С. 177–193.

²⁴ «Лев Платонович был нелюбим из-за того, что резал “правду-матку» (Штейнберг А. З. Лев Платонович Карсавин // Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб., 1994. С. 481).

²⁵ Там же. С. 482.

²⁶ Там же. С. 484.

²⁷ Флоровская К. В. Письмо Г. В. Флоровскому от 3 апреля 1923 года // Slovanská knihovna. Praha. T-FLO. Krab XVI. č. inv. 3. Письмо 68. — Письмо опубликовано, см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. С. 128.

их для него, потом послала конспекты брату. Георгий Васильевич использовал их в своей научной работе²⁸.

Клавдия в первое время пребывания в Софии тоже хотела переехать в Прагу, но не получила поддержки со стороны Земгора, о чем свидетельствует следующий фрагмент из ее письма Георгию от 30 сентября 1922 г.: «Земгорский ответ меня не удивил, ни огорчил, — я была уверена, что из этого плана ничего не выйдет, там у них имеются педагогические дамы с идеями, которые сами, конечно, поспешили занять побольше уроков. А так как я на это вообще не рассчитывала, то ничего от этого и не потеряла. А тон ответа показывает тоже, что я подметила в Земгоре с самого начала — полуинтеллигентский характер»²⁹.

Клавдия Васильевна снабжала Георгия еще и информацией о научной жизни болгарской эмиграции, о том, чем они интересовались, что читали, куда ездили, и спрашивала его о жизни эмиграции в Праге, например об о. Булгакове³⁰. Интересно в контексте идущей в научной литературе полемики о том, каково было отношение Г.В. Флоровского к евразийцам, отметить, что Дуся сообщает значительную информацию о Н. Трубецком³¹. Георгий Флоровский готовил для него статьи, участвовал в сборниках, которые издавались в Берлине, и, по крайней мере, в 1922 г. он еще не думал о разрыве с представителями этого направления, собиравшись ехать в Берлин в начале 1923 г. именно по евразийским делам. Дуся спрашивала его в письме от 5 декабря 1922 г.: «Как ты будешь получать письма в Берлине? Долго ли там пробудешь?»³². К теме евразийцев она часто возвращалась. Видимо, она была для них обоим важна. В феврале 1922 г. она писала брату: «Сегодня получила твое письмо со вложением вырезки из “Трибуны” и, так как Ливен болен и не

²⁸ Напомним, что Георгий, работая с 1922 г. на Русском юридическом факультете Карлова университета, готовил свою магистерскую диссертацию по философии А.И. Герцена (защитил ее в 1923 г.). Некоторые материалы для нее конспектировала и посылала ему Дуся. Она не имела времени заниматься наукой, ибо все силы отдавала брату. Часто в письмах спрашивала: «А что Герцен?» (письмо от 16 марта 1922 г.). В этом же письме: «Я завтра, вероятно, закончу переписывать статью Дмитриева-Мамонова — надо ли тебе? И ответ на нее Ивана Аксакова». В письме от 5 декабря 1922 г. сообщает: «Дорогой Егорчик, в субботу (2-го) послала тебе конспект статьи Плеханова — раньше не могла успеть, так как твое письмо получила только в среду 29-го после обеда. Из книги Неведенского выписала с указанных тобою страниц все, что касается философии и Бакунина — остальное все о делах и жизни самого Каткова, да краткое изложение основ философии Шеллинга и Вердера. Дополнительное указание заглавия статьи Самарина там же приписано». Клавдия делала обоим братьям переводы фрагментов книг, которые раньше сама читала (см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. С. 72–73, 93–94).

²⁹ *Флоровская К. В.* Письмо Г.В. Флоровскому от 30 сентября 1922 года // *Slovanská knihovna. Praha. T-FLOR. Krab XVI. č. inv. 3. Письмо 46.* — Письмо опубликовано, см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. С. 81.

³⁰ В письме от 12 марта 1923 г.: «Приехал ли Булгаков и какое на тебя произвел впечатление?»; также в письме от 3 апреля 1923 г.: «Приехал ли Булгаков?» (см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. С. 121, 131).

³¹ Князь Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) — русский лингвист; известен также как философ и публицист евразийского направления.

³² *Флоровская К. В.* Письмо Г.В. Флоровскому от 5 декабря 1922 // *Slovanská knihovna. Praha. T-FLOR. Krab XVI. č. inv. 3. Письмо 55.* — Письмо опубликовано, см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. С. 101.

бывает в издательстве, то зашла к нему, чтобы передать вырезку и узнать, что ты ему пишешь. Застала у него Трубецкого. Они прочли мне твое письмо с выписками из письма Сувчинского. Трубецкой сам, вероятно, пишет тебе по поводу этого письма. Сборники отправляются завтра утром, — я сама отдала их Федору Прокофьевичу и уговорила его это сделать. Вся задержка в нем, он большой кунктатор и, по-моему, с идеями, что очень вредно отражается на его деятельности. У Ливена в квартире стучит машинка, скачут и кричат дети, всюду лежат выкройки и обрезки, но, по крайней мере, комнаты человеческие. <...> Вообще, евразийцы мало практичны. Ливен дал мне номера “Руля” с произведением Ландау, — видно, он сильно зол, потому что даже неприличен. Стоит ли больше полемизировать? Вам эта статья, разумеется, не повредит и обижаться на нее нечего. Новых adeptов надо ласкать и привлекать, но содержать их в страхе и трепете, в качестве поклонников и “верующих”, но не “совершенных”...»³³ В последующих письмах Дуся возвращалась к этой теме неоднократно. Любопытный фрагмент мы находим в письме от 3 апреля 1923 г.: «Ливен <...> принимает к сердцу статью Билимовича³⁴ о евразийстве, которую находит неосновательной. Я ее еще не читала, а только в магазине проглядела и думаю, что евразийство, может быть, можно было бы опровергать гораздо серьезнее и основательнее, чем делают до сих пор его противники, больше всего боящиеся оказаться не европейцами и утратить благосклонность настоящих европейцев. Если бы была возможность воспитать хотя бы небольшую, но сплоченную и проникнутую общим духом группу евразийцев в пределах хотя бы того поколения, которое сейчас в студентах. Как раз они находятся в сравнительно благоприятных для этого условиях, потому что не заражены преклонением пред Европой, как были заражены предыдущие поколения; напротив, познакомились с Европой как раз тогда, когда ее разложение обнаружилось и нам в особенности показалось вполне открытым. Но сделать это слишком трудно...»³⁵

Любопытно отметить, что похожего мнения был Карсавин. Он, зная очень хорошо Западную Европу и ее историю, недолюбливал ее. Своим небольшим текстом «Восток, Запад и русская идея» (1922 г.), он принял участие в идущей в России со времен Ф. Достоевского и Вл. Соловьева, и продолжавшейся в среде русской эмиграции дискуссии о предназначении России. Карсавин призывал своих читателей к тому, чтобы они тщательно и добросовестно изучали историю, прежде всего своего народа³⁶; утверждал, что православная культура должна актуализовать все те потенции, которые в ней заложены с VIII в.; но путь подобной актуализации специфичен, ибо необходимо дополнить, «укомплектовать» культуру Запада тем, что создала православная культура. Георгий Флоровский был другого мнения и в этом отношении метод Карсавина был для него неприменим. Он, будучи еще очень

³³ Флоровская К. В. Письмо Г. В. Флоровскому от 24 февраля 1922 года // Slovanská knihovna. Praha. T-FLOR. Krab XVI. č. inv. 3. Письмо 13. — Письмо опубликовано, см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. С. 65–66.

³⁴ Билимович Александр Дмитриевич (1876–1963) — русский экономист.

³⁵ Флоровская К. В. Письмо Г. В. Флоровскому от 3 апреля 1923 года // Slovanská knihovna. Praha. T-FLOR. Krab XVI, č. inv. 3. Письмо 68. — Письмо опубликовано, см.: «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. С. 129.

³⁶ См.: Мелих Ю. Б. Лев Карсавин. СПб., 2019. С. 156–157.

молодым человеком, решил, что русская мысль и культура должны иметь сугубо православный характер, то есть греко-византийский. Следовательно, их необходимо очистить от всех рациональных элементов. В этом он видел задание для себя. И поэтому, работая над «Путиями русского богословия» (1937 г.), он не выделял проблемы или идеи, а прибегал исключительно к методу характеристики, за что его и критиковал Н. А. Бердяев³⁷.

Кажется, однако, что проблема специфики русской православной культуры, философии, богословия и их возрождения интересовала Г. Флоровского до конца жизни. В этом отношении он следил за судьбой Л. Карсавина. Свидетельством тому может служить его переписка с братом Антонием, который остался работать и жить в Праге. Много лет спустя, уже после кончины Клавдии Васильевны, в письме к брату Антонию от 25 сентября 1965 г. Георгий Флоровский писал: «Попадалась ли тебе статья о смерти Карсавина, написанная немцем-военнопленным, бывшим в одном лагере с Карсавиным, где-то в полярной зоне. Собственно, он прибыл туда на другой день после смерти Карсавина, 12 июля 1952 года. Но он пишет по рассказам других. Статья в “Ориенталиа Христиана Периодика” за 1958 год. Перед смертью К[арсавин] перешел в католичество. Это весьма неожиданно после его “Уроков Отреченной веры” и других писаний более раннего периода. Я видел Карсавина только два раза в жизни, и еще раз был на его лекции в Париже. И впечатление у меня было самое неприятное, чтобы не сказать больше, особенно от первой встречи в Берлине в 1923-м году, чему содействовала и обстановка: была общая забастовка, без газа и электричества, и горели черные свечи (из театра), и разговор был в стиле “данс макабр”, “пляска черных пламен”, как говорит Л[еоид] Сабанеев о музыке Скрябина. Хотелось “вывернуть его на лицо”, употребляя выражение Владимира Соловьева. Я знаю, что Дуся была другого о нем мнения, но она знала его в другой период и только раз или два видела его в Париже, когда она у нас гостила в 27-м году. Вряд ли она читала его заграничные произведения. Они писаны совсем не той манерой, что его первая диссертация. Но и вторая диссертация, 1915-го года, уже достаточно неприятна и по методу, и по стилю, а потом он стал писать еще неприятнее. Думаю, что и ты не читал его философских книг. “Noctes Petropolitanae”, писанные еще в Петрограде, и там изданные в 1920 или 1921 году, ужасно противная книга. Кстати, Дуся купила ее для меня в Софии в 1921 или 1922 году, — за границей это страшная редкость. Кое-что он потом издал по-литовски, этого я не видал, да к тому же и не смог бы прочесть. Две из его позднейших книг я нашел в Гельсингфорсе. Кстати, не найдется ли в Славянском Уставе журнала, изд. Ло Гатто — “Russia: Rivista di letteratura arte, storia”. В 1924-м году, том 111, № 1, там помещен отчет о “совещании” на русские темы, кажется в Риме, на котором Карсавин делал доклад о Русском человеке (доклад этот, как будто, не был напечатан, имеется только изложение в этом итальянском издании — знаю только по краткой рецензии в Совр[еменных] Записках). У нас этого журнала, по-видимому, нет»³⁸.

Георгий Флоровский много путешествовал по Европе, его приглашали в университеты, он читал лекции, участвовал в съездах. Несмотря на большую занятость, он находил время для работы в университетских библиотеках. И там тоже

³⁷ См.: Бердяев Н. Ортодоксия и человечность // Путь. 1937. № 53. С. 53–65.

³⁸ Флоровский Г. В. Письмо А. В. Флоровскому от 25 сентября 1965 года // Slovanská knihovna. Praha. T-FLOR. Krab. XVIII. č. inv. 4-4. Письмо 285.

искал возможные следы творчества Карсавина. Отсюда вывод, что как личность Карсавина, так и его творчество не были ему безразличны. В письме от 8 марта 1963 г. он писал Антонию: «В Гельсинки нашел небольшую книжечку Карсавина, о существовании которой не знал — не встречал и указаний на нее: “Поэма о смерти”, печатана в Ковне, без года — очевидно после его отъезда из Парижа. Очень характерна для его мировоззрения и, как всегда, написана очень неприятно, — естественно как-то и манерно»³⁹. Как следует из подобных высказываний, он не избавился от отрицательного мнения о Карсавине. Причем это была не научная полемика с доводами и аргументами, а только личное, субъективное мнение.

References

- Berdyayev N. Orthodox and humanity. *Put'*, 1937, vol. 53, pp. 53–65. (In Russian)
- Chupakhina N. A. L. P. Karsavin about the possible fates of Russia. *Philosophical Polylog: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy*, 2019, vol. 1, pp. 153–174. (In Russian)
- Galcheva T. N., Golubovich I. V. “*Ponemnogu prispособlayus' k “nezavisimym obstoyatel'stvam”*”. P. M. Bitsilli and Florovsky family in the first years of emigration. Sofia, SOLNCE Publ., 2015, 320 p. (In Russian)
- Florovskaia K. V. St. Francis in the “Tree of Godfather Life”. *On the occasion of the twenty-fifth anniversary of the scientific and pedagogical activity of Ivan Mikhailovich Grevs. Collection of articles by his students*. St. Petersburg, Printing house “The public benefit”, 1911, pp. 63–106. (In Russian)
- Florovsky G., fr. Religious metaphysics of S. L. Frank. *Collection of memory of Semyon Ludwigoivitch Frank*. München, Ed. Families Publ., 1954, pp. 145–156. (In Russian)
- Klimov A. E. G. V. Florovsky and S. N. Bulgakov: the history of relations in the light of disputes about sophiology. *Religious and philosophical path. International scientific conference dedicated to the 130th anniversary of birth, March 5–7, 2001*. Moscow, Russkii Put' Publ., 2003, pp. 86–114 (In Russian)
- Khoruzhy S. S. The GULAG cycle as the philosophical last will of Karsavin. *Philosophical Polylog: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy*, 2018, vol. 1, pp. 29–40. (In Russian)
- Kosik V. I. *Russian corner in Sofia. Essays on poem about the Russians who left Russia after the October revolution of 1917 and the ensuing civil war*. Moscow, SPACE Publ., 2008, 236 p. (In Russian)
- Melikh Yu. B. *Karsavin*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2019, 251 p. (In Russian)
- Savicky I. The specifics of Prague as a spiritual center of emigration. *Spiritual trends of Russian and Ukrainian Emigration in the Czechoslovak Republic (1919–1939) (Lesser known aspects of the topic)*. Prague, Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic Publ., 1999, pp. 47–95. (In Russian)
- Sladek Z., Beloshevskaya L. *Documents on the History of Russian and Ukrainian Emigration in the Czechoslovak Republic (1918–1939)*. Prague, Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic and Euroslavika, 1998, 344 p. (In Russian)
- Sharonov V. I. “Ne geroi, a samyi obyknovennyy chelovek...” (The Lithuanian period of L. P. Karsavin's life). *Philosophical Polylog: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy*, 2019, vol. 1, pp. 177–193. (In Russian)
- Shteynberg A. Z. Lev Platonovitch Karsavin. *Karsavin L. P. Small works*. St. Petersburg, Aletheia, 1991, pp. 478–498. (In Russian)
- Zernov N. *Russian emigré authors: a biographical index and bibliography of their works on theology, religious philosophy, church history and orthodox culture 1921–1972*. Boston, Mass: G. K. Hall & Co, 1973, 183 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 3 января 2020 г.

Рекомендована в печать 8 июня 2020 г.

Received: January 3, 2020

Accepted: June 8, 2020

³⁹ Флоровский Г. В. Письмо А. В. Флоровскому от 8 марта 1963 года // Slovanská knihovna. Praha. T-FLO. Krab. XVIII. č. inv. 4-6. Письмо 240.